
Александр Гарцев
Одиссея Лолы
18+

Александр Гарцев
Одиссея Лолы

https://litres.ru/74838083
SelfPub; 2026

Аннотация

Новый роман писателя Александра Гарцева "Одиссея Лолы" о женской судьбе.

Людмиле за сорок, и ее жизнь похожа на старый, растянутый трикотажный халат: вроде бы своя, привычная, но застирана до дыр.

Муж Валерий увлечен только рыбалкой, золовка Инна Павловна дышит в затылок, претендуя на квартиру, а работа швеей приносит копейки.

В душе Людмила — расчетливая, хитрая хищница, достойная Версаче и Версаля, но в реальности — женщина, жарящая карасей в панельной девятиэтажке.

«Одиссея Лолы» — это сатирическая трагикомедия о том, как легко перепутать побег к мечте с падением на дно.

Это честный, злой и невероятно смешной роман о современной «бизнес-леди», которая, объехав полстраны в поисках принца, возвращается домой, чтобы наконец-то стать хозяйкой собственной жизни.

Содержание

Глава 1. Золовка 4
Глава 2. Курсор 13
Глава 3. Маска на букву Л 19
Глава 4. Краснодарский борщ 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Александр Гарцев
Одиссея Лолы

Глава 1. Золовка

Весна в панельном доме на окраине пахла не талым снегом, а жареным карасем. Запах был густым, въедливым, он просачивался сквозь обои, оседал на ворсе ковра и безнадежно въедался в нежный, седоватый мех норки, который Людмила сейчас судорожно прихватывала стежками.

Шуба была чужая, из ателье. За подгиб рукава и реставрацию потертого подола клиентка обещала полторы тысячи — деньги, на которые они с Валерой будут жить три дня, если экономить на стиральном порошке. Валерий, ее муж, в этот момент с грохотом швырял в прихожей резиновые сапоги. Он собирался на рыбалку. Процесс сборов был для него священнодействием, сродни литургии: бряцанье снастей, запах чесночной колбасы, которую он заворачивал в газету, и глухое, счастливое мычание. Валерий не замечал ни душного запаха рыбы, ни того, что его жена сидит на кухонной табуретке в позе вопросительного знака, спасая чужую роскошь.

Людмила перекусила черную капроновую нить. Пальцы, исколотые иглой, мелко дрожали. Ей было сорок два. В сорок два года женщина должна иметь либо свой бизнес, либо

мужа-депутата, либо хотя бы нормальную квартиру, а не эту двушку, которая по закону принадлежит не ей.

Входная дверь хлопнула, отсекая звуки рыбацкого счастья. Людмила осталась одна. Тишина давила на перепонки. Она разогнула спину, и в пояснице хрустнуло. На линолеуме, липком от рыбьего жира, куда она десять минут назад уронила иголку, блеснуло серебро. Людмила опустилась на колени, задрала халат и долго, слепо шарила рукой в липкой лужице, чувствуя, как под ногти забивается грязь.

— Сволочи, — прошептала она в пол. — Все сволочи.

Сволочью номер один была Инна Павловна, золовка. Вчера вечером, пока Валерий храпел под бормотание телевизора, Людмила по привычке залезла в его почту, чтобы проверить, не прислали ли ей фото новой шубы на ремонт. В папке «Входящие» висело непрочитанное письмо от «Инна_Кротова_Суд_Юрист». Людмила открыла его. Язык Инны, сухой и казенный, как вобла, бил наотмашь. «Уведомление о намерении обратиться в суд с иском о признании брака фиктивным в части имущественных прав...», «наследная масса...», «право пожизненного проживания...». Золовка напоминала, что квартира досталась Валерию от матери, Людмила в ней никто, и если она не съедет по-хорошему, Инна сделает так, что на улице окажется не только невестка, но и сам Валерий — с его то запоями и рыбалкой вместо работы.

Людмила перечитала письмо трижды. Страх, холодный и скользкий, как тот самый карась, заполз под ребра. Она бы-

ла швеей. Руки, способные сотворить чудо с расползшимся мехом, не умели ничего, кроме как держать иголку. Куда она пойдет? В дворники?

Злость пришла на смену страху внезапно, ударила горячей волной в голову. Она не жертва. Она — Людмила Кротова. Четкая, расчетливая, хитрая. Это Светка из ломбарда ей так сказала. «Ты, Людка, себя не ценишь. Сидишь тут, карасей ему жаришь. Мужик сейчас пошел ленивый, его брать надо тепленьким, пока на диване лежит».

Людмила встала. Сполоснула руки, сдирая с них рыбий жир и грязь жесткой мочалкой. Прошла в комнату, где на журнальном столике пылился ноутбук Валерия. Муж, уходя, не удосужился даже закрыть браузер.

Она села в его продавленное кресло. Кожа обивки пахла потом и дешевым табаком. Людмила открыла поисковик. Курсор замер над строкой. Она не умела заводить новые почты — Светка обещала научить в выходные. Значит, придется заходить со страницы мужа. Пусть старый пень потом думает, что это его одноклассницы по погранзаставе пишут.

Она набрала в строке: «Одноклассники».

Сайт грузился мучительно долго, пищал и мигал, как дешевая китайская игрушка. Наконец открылась лента. Людмила прищурилась. Она никогда не сидела в соцсетях, считая это баловством для малолеток. Но сейчас ее взгляд, натренированный за последнее время выискивать дефекты в строчке, зацепился за правый край экрана.

Там, между рекламой чудо-таблеток от грибка и курсами вязания крючком, пульсировал ядовито-розовый баннер. На нем была изображена счастливая женщина в леопардовом платье, обнимающая бледного мужчину в костюме. А поверх их лиц, прямо по розовому фону, шла жирная, наглая надпись:

«Найди судьбу в 40+. Твоя жизнь только начинается».

Людмила смотрела на баннер, и дыхание перехватило. Это был не просто рекламный мусор. Это был знак. Знак, перекрывающий вонь карася, зуд в исколотых пальцах и казенные угрозы Инны Павловны.

Она подвинула мышь. Баннер оказался кликабельным. Палец, привыкший чувствовать натяжение нити, лег на шершавую кнопку. Один щелчок.

Людмила не просто кликает по баннеру. Она делает это с такой силой, что дешевая китайская мышь жалобно скрипит под ее пальцем, словно протестуя против разрушения старого мира. В этот момент с лестничной клетки доносится громкий, требовательный звонок в дверь — это наверняка вернулась Светка за солью, но Людмила не двигается с места. Она сидит в кресле мужа, вдыхая запах его дешевого табака, и смотрит на медленно загружающуюся главную страницу «Одноклассников» как на врата в другой, справедливый мир, где за каждый ее стежок наконец-то заплатят не деньгами, а судьбой.

Дворец культуры Железнодорожников встретил их запа-

хом хлорки, мастики для пола и застарелого отчаяния. В актовом зале, где обычно проводили собрания профсоюза или утренники для пенсионеров, сдвинули к стенам ряды скрипучих кресел, обнажив истоптанный красный ковер. На сцене, за столом, накрытым мятым бордовым сукном, восседала Роза Марковна.

— Запомните, девочки! — вещала она в микрофон, и динамики фонили. — Сорок лет — это не приговор! Это аперитив перед основным блюдцем! Вы — выдержанное вино!

Людмила сидела в третьем ряду, плотно сжав колени. На ней была ее лучшая блуза — из того самого «дорогого трикотажа» с люрексом, который она шила сама. Люрекс предательски блестел в свете тусклых софитов, делая ее похожей на эстрадную диву из девяностых. Рядом, широко расставив острые колени, сидела Светка. На Светке был леопардовый топ и кожаный жилет. От нее пахло едкими духами и уверенностью человека, который знает реальную стоимость вещей, потому что каждый день и через день берет их в залог.

— Смотри, вон тот, у окна, — прошептала Светка, кивая на сухопарого мужчину в мятом вельветовом пиджаке. — У него взгляд инженера. Значит, руки из плеч. И, скорее всего, дача. Просеки почву на предмет шести соток.

Инженер, поймав взгляд Людмилы, встрепенулся и начал пробираться к ней через ряды, задевая дамские сумки.

— Разрешите? — Он плюхнулся на соседнее кресло, обдав ее запахом перегара и мятной жвачки. — Валентин. Про-

ектировщик. Мы сейчас как раз сдаем развязку на третьем транспортном. Там свайное поле, представляете? Фундамент поплыл.

Людмила вежливо улыбнулась. Она смотрела на его галстук в подозрительных пятнах и думала о прокладке труб в собственной квартире, которая сгнила еще при Брежневе. Валентин говорил о марках бетона и пучинистых грунтах, не отрывая от нее голодных, оценивающих глаз. Людмила физически ощущала, как он сканирует ее фигуру. Не на предмет души. На предмет того, сможет ли она, случись что, поднять его упавшее на даче давление и закатать сорок банок огурцов. Она чувствовала себя не женщиной. Она чувствовала себя мешком картошки на сезонной распродаже, который покупатель придирчиво щупает на предмет гнили.

— А вы, Людмила, кем трудитесь? — наконец выдохнул он, закончив лекцию о бетоне.

— В ателье, — выдавила она. — По меху.

— А-а-а, — разочарованно протянул Валентин. — Это сейчас не бизнес. Китай все сожрал. У меня вот соседка тоже шубы шьет, так у нее сын от второго брака в тюрьме сидит, а мужик от нее ушел к парикмахерше.

Людмила почувствовала, как к щекам приливает краска унижения. Она встала.

— Мне нужно… поправить макияж.

В фойе, у стола с угощениями, царила совсем уж беспросветная тоска. На пластиковых тарелках лежали заветрен-

ные, покрытые жесткой коркой песочные полоски и зефир. Зефир был самым страшным. Он умер еще вчера. Белая глазурь на нем пожелтела и потрескалась, обнажив серую, липкую мякоть.

Светка подошла сзади, жуя этот труп зефира.

— Ну что, строитель развязки? — спросила она, вытирая пальцы о кожаный жилет. — Сутулый. И жмот. Даже кофе за свой счет не предложил. Вычеркиваем.

— Свет, я больше не могу, — простонала Людмила. — Это зоопарк. Я себя чувствую куском мяса. Посмотри на них, они же нас на зуб пробуют!

— А ты как хотела? — Светка обвела зал хозяйским взглядом. — Это рынок, Людка. Ты прилавок, он покупатель. Не стой столбом, улыбайся. Зубы у тебя свои, хорошие, это уже плюс две тысячи к твоему прайсу.

Людмила посмотрела на свою тарелку. Там лежал тот самый треснувший зефир, который ей сунула какая-то дама в берете. Желудок свело от тоски и голода — дома она не ужинала, спешила на этот шабаш. Она поднесла зефир ко рту, но от запаха лежалой сладости ее замутило.

Нужно было избавиться от него. Выбросить в урну — значит признать поражение перед лицом Розы Марковны и дам в беретах. Она аккуратно, двумя пальцами, взяла кусок за самый краешек глазури. Тарелка была полна. Людмила начала медленно, миллиметр за миллиметром, сдвигать свой зефир через край своей тарелки, пытаясь пристроить его на

общий пластиковый поднос в центре стола.

В этот момент Роза Марковна на сцене включила магнитофон. Из динамиков ударили первые аккорды «Миллион алых роз» в исполнении Николая Гнатюка.

Людмила надавила чуть сильнее. Тело зефира, потеряв опору, мягко плюхнулось прямо на песочную полоску какой-то визави. Глазурь смачно лопнула, оставив на чужом печенье жирный серый мазок.

— Ой, извините, — пискнула Людмила, отдергивая руку, словно обожглась.

— Ничего страшного, — равнодушно бросила дама в берете, даже не повернув головы. Она была занята — рассказывала мужчине в подтяжках о своей вросшей ногтевой пластине.

Светка, наблюдавшая за этой сценой, громко фыркнула, подавившись крошками.

— Вот! — сказала она, ткнув Людмилу острым локтем в бок. — Видела? Ей на твою глазурь плевать. У нее своя ногтевая пластина. Вот и ты так должна. У тебя своя пластина. А этот твой строитель — он просто мимо проходил.

Людмила смотрела на желто-серую кляксу на чужом печенье. В животе было пусто и холодно.

— Поехали отсюда, — сказала она. — К черту. В «Одноклассники» оно как-то… чище.

Людмила смахивает зефир не подушечками пальцев, а аккуратно, ногтем мизинца, брезгливо оттопыривая его, слов-

но это не сладость, а использованный пластырь. Когда зефир падает на чужое печенье, она не отдергивает руку, а на секунду замирает, глядя на серый мазок с профессиональным интересом швеи — оценивая, как липкая субстанция сцепилась с песочной крошкой, прежде чем выдавить из себя виноватое «извините».

Глава 2. Курсор

Валерий ушел. Грохнула входная дверь, отрезая запах рыбы и обещание трехдневного одиночества. Людмила осталась в кресле мужа, и скрип дешевого дерматина под ее весом прозвучал как-то по-новому — почти дерзко.

Курсор мигал в пустой строке «Имя».

Людмила Аркадьевна Кротова.

Палец завис над клавиатурой. Нет. Людмила Аркадьевна — это та, что жарит карасей и боится золовку. Та, что считает копейки до зарплаты и подшивает чужие норки, ломая глаза. Та, что десять лет спит на самом краю кровати, потому что Валера храпит и раскидывает ноги, как шлагбаум.

Палец метнулся влево, стирая «Людмила».

Нужно что-то легкое. Воздушное. Что-то, что не пахнет жареной рыбой.

Людмила… Люда… Мила…

«Мила». Слишком просто. Мила — это продавщица в хлебном.

Людочка. Тьфу, пошло. Так ее называла покойная свекровь, когда хотела попросить сбегать за хлебом.

Она откинулась на спинку кресла. Кресло жалобно пискнуло.

«Я — женщина с утонченным вкусом, — начала формулировать она про себя, глядя в потолок, где желтел развод

от давнишнего потопа. — Я ценю мужскую заботу и интеллект. Я ищу не просто плечо, а опору. Устала от быта. Хочу дышать».

Дышать она хотела в первую очередь воздухом, в котором нет запаха укропа и речной тины.

Пальцы снова легли на клавиши.

Людмила.

Нет. Слишком честно.

Она стерла.

Люда.

Стерла.

Нужно иностранное. Модное. В сорок два года можно позволить себе немного загадки.

Милана? Слишком по-киношному.

Лиля? Маяковский. Двадцатые годы. О! Страсти. Лиля Брик. Подходит.

Но тут она представила, как на зов «Лиля!» оборачивается ее соседка по лестничной клетке, толстая тетка в бигудях, выносящая мусор.

Курсор мигал. Время шло. Скоро Валера начнет названивать: «Лю-юд, а где мои шерстяные носки? А то ноги на льду стынут». Нужно успеть.

Она представила себя со стороны. Какая она?

Не толстая. Это Светка зря говорит, что она «в теле». У нее просто кость широкая и гормоны после сорока. У нее красивые волосы, если их не заливать лаком «Прелесть». У

нее руки… руки, конечно, рабочие, в мелких шрамах от иглы, но, если надеть кольцо с фианитом, которое она купила в ломбарде у Светки за полцены, — почти барские.

Она не ищет приключений. Она ищет справедливость.

Пальцы забегали по клавишам быстро, почти яростно, словно она выметывала наметку на дорогой мех.

Лола.

Она нажала «Enter». Точка поставлена.

Теперь фамилия. Кротова — нельзя. Инна Павловна, этот хорек в кардигане, мониторит всех баб в радиусе ста километров. Увидит — завтра же доложит Валере, что его жена ищет «спонсора», и тогда дележ квартиры начнется не в суде, а прямо на кухне, с битьем тарелок.

Иванова? Банально. Как в паспорте у каждой второй.

Смирнова? Еще хуже. Сразу выдает покорную овцу.

Королева? Ага, сейчас. «Лола Королева ищет спонсора». Смех курам.

Она посмотрела на свои руки, лежащие на клавиатуре. На пальце не было обручального кольца — она снимала его перед работой, чтобы не порвать нитки и мех.

Одинокая? Слишком жалко.

В поиске. Слишком в лоб. Хотя… «В поиске» — это статус. Это диагноз. Это крик.

Она напечатала: Крылова.

Звучало красиво. Как будто она вот-вот взлетит. Как будто у нее есть крылья, а не только руки для пришивания мол-

ний на чужие пуховики. Кротова, Крылова — почти одно и то же, если Валера вдруг случайно наткнется на профиль. Скажет: «Опечатка».

Теперь главное. Фотография.

Людмила открыла папку на рабочем столе. «Мои документы» — «Разное» — «Себя».

Вот она на свадьбе племянницы. Лицо блестит, прическа «домик», плечи на ширину кадра. Не пойдет.

Вот она в Сочи. Две тысячи двенадцатый год. Лицо обгоревшее, в руке надкушенный чебурек. Ужас.

Вот Светка фотографировала ее на прошлой неделе на фоне ковра. Людмила тогда надела ту самую блузу с люрексом.

Она открыла файл. Лицо на экране ноутбука выглядело плоским, а люрекс бил по глазам дешевым неоновым огнем.

— Так, — прошептала Людмила, наклоняясь к экрану. — Работаем.

Внутренний монолог превратился в четкий алгоритм действий:

«Слишком красная. Как вареный рак. Уменьшить насыщенность. Так, уже лучше. Теперь кожа. Убрать "красные глаза" — это для лохов. А вот тут, под левым глазом, тень. Это не синяк от недосыпа, это скульптурирование. Высветлить. Вот так. Теперь волосы. Этот пушок над лбом — это не электричество, это ореол. Но Валере это не объяснишь, а Олегу из Краснодара — запросто. Сгладить. Инструмент

"Палец". Теперь самое главное. Глаза. Они у меня, между прочим, выразительные. Увеличить. Еще. Зрачки должны гореть. Как два фонарика в подворотне. Пусть думает, что я страстная, а не что я хочу спать, потому что вчера до трех ночи шила мутон. И фильтр. Какой тут есть? "Осень"? Нет, "Весна". "Весна" делает кожу фарфоровой. Замечательно. Теперь рамочка. С цветочками. Это мило. Это говорит о том, что я домашняя, но современная. Не какая-нибудь там прошмандовка с сайта знакомств, а дама».

Она нажала «Сохранить». На нее смотрела абсолютно чужая женщина. У этой женщины не было ни Валеры, ни золовки Инны, ни долгов за свет. У нее была весна, люрекс и глаза, горящие голодным, расчетливым огнем.

Лола Крылова.

Статус: В поиске.

Она создала пустой альбом с названием «Мои интересы» и перешла к строке «О себе».

Пальцы замерли.

«Устала от быта» — слишком жалостливо.

«Надеюсь на встречу» — слишком нище.

Она выпрямила спину, поправила на плечах невидимый норковый палантин и напечатала, чеканя каждую букву:

«Самодостаточная женщина. Люблю уют, ценю интеллект и чувство юмора. Ищу ровню. Пустые переписки и виртуальные букеты не интересуют».

Людмила не просто печатает текст, она проговаривает его

вслух шепотом, пробуя слова на вкус, как новую, дорогую помаду. На словах «ценю интеллект» она инстинктивно вскидывает подбородок чуть выше, отчего кожа на шее натягивается, убирая намек на второй подбородок, и ее отражение в черном глянце монитора на долю секунды становится лицом совершенно другого, опасного человека.

Глава 3. Маска на букву Л

Ночь за окном висела глухая, чернильная. Весна в этом году выдалась не щедрой на свет: днем моросил холодный, сизый дождь, превращая прошлогодний снег в грязную кашу, а к вечеру небо и вовсе затянуло плотной, непроницаемой ватой. Ни звезд, ни луны. Только желтый конус света от одинокой лампы во дворе, в котором кружилась водяная пыль. В квартире стояла та особенная, плотная тишина, какая бывает только в панельных домах, когда слышно, как у соседей сверху работает сливной бачок, а у соседей снизу бормочет телевизор.

На кухне горел только монитор ноутбука. Его мертвенно-синий свет заливал лицо Людмилы, делая кожу восковой, а тени под глазами — провалами. Она сидела в старой, растянутой футболке Валерия, пахнущей стиральным порошком «Ушастый нянь» и тем самым карасем. Футболка была ее ночным доспехом, униформой невидимки.

Светка ушла час назад, оставив после себя запах едких духов и гул в голове. Уходить пришлось через балкон — Светка панически боялась встретить в подъезде кого-нибудь из знакомых, — и теперь Людмила чувствовала себя соучастницей преступления.

Она открыла страницу мужа. Валерий, налакавшись перед сном пива, тяжело ворочался в ванной.

— Глории глории осанна, — пробасил он оттуда, прочищая нос. Звук был утробным, трубным, похожим на рев раненого лося.

Людмила вздрогнула и вжалась в кресло. Сердце пропустило удар, а потом заколотилось где-то в горле. Ей на секунду показалось, что муж сейчас выйдет, увидит синий свет, экран с анкетой и все поймет. Что он не просто расстроится. Что он сделает что-то страшное, непоправимое — например, начнет молча собирать ее вещи в наволочку. Она представила его тяжелые, в рыжей шерсти руки, тянущиеся к ее шее, и холодный пот выступил на пояснице.

Валерий с грохотом спустил воду. Людмила выждала десять секунд, пока гул труб не затих. Затем выдохнула.

Никакой «Миланы». Никакой «Крыловой». Это слишком заметно. Если Валера вдруг решит проверить историю браузера или жена его друга, системный администратор, случайно увидит в сети «Лолу Крылову», пойдут вопросы.

Пальцы легли на клавиши.

Лола_Л.

Коротко. Загадочно. Буква «Л» — первая буква ее настоящего имени, это давало ей странное, почти мистическое чувство, что она не врет, а просто… немного не договаривает. Как если бы она надела на лицо венецианскую маску, но из-под нее все равно торчал ее собственный, знакомый нос.

Курсор мигнул, требуя «Статус».

Людмила замерла. Что писать? «Ищу серьезные отноше-

ния»? Светка заржала бы прямо с того света. «Одинокая женщина желает познакомиться»? Это некролог из районной газеты.

Она закрыла глаза, пытаясь вспомнить инструкции подруги, которые та диктовала, покачивая ногой в остроносом ботильоне:

— Люд, выкинь из лексикона слово «уют». Уют — это для бабок. Мужик читает «уют» и видит перед собой бабу в бигуди, которая будет требовать полку прибить.

— А что писать? — шептала тогда Людмила.

— Пиши: «Ценю мужскую заботу». Поняла? Не «люблю», а «ценю». Это бизнес-слово. Это значит: ты мне — заботу (деньги, машину, крышу), я тебе — благодарность. И слово «самодостаточная» убери. Это баба с рынка так пишет, которая сама себе шубу купила. Мужики это чуют за версту. Им нужна женщина, которую надо спасать. Поняла? Ты — хрупкий сосуд.

Людмила открыла глаза. Она не была хрупким сосудом. Она была женщиной, которая десять лет подшивала чужие норки, чтобы купить мужу на день рождения эхолот. Но сейчас, под синим светом монитора, она решила побыть сосудом.

Она напечатала:

«В поиске. Женщина, познавшая цену одиночеству, ищет надежного спутника. Ценю мужскую заботу и поступки».

Текст казался ей чужим, сшитым из лоскутов Светкиных

советов и дешевых любовных романов. Но он пах духами, а не рыбой.

Она нажала «Сохранить». Профиль создан.

Ничего не произошло. Только курсор продолжал мигать.

Людмила сидела, вцепившись в подлокотники. Она сделала это. Она шагнула за порог.

Первой отреагировала система. В правом нижнем углу экрана всплыло уведомление.

«Олег_М_58 (Краснодар) поставил Вам "Класс"! Просит дружбу».

Людмила вздрогнула. Сердце, только что успокоившееся, снова пустилось вскачь. Олег. Это же тот самый, с которым она списывалась в первый вечер! Тот самый военный. Она забыла удалить его из закладок. Значит, он ее узнал? Значит, маска не работает? Паника подступила к горлу, но тут же осыпалась, когда она вчиталась в ник. Нет, это другой Олег. Просто совпадение. Дрожащим пальцем она нажала «Игнорировать».

За ним тут же последовало второе:

«Сокол777 (Москва) поставил Вам "Сердечко"!»

Потом третье, четвертое. Лайки посыпались, как мусор из перевернутого ведра. Людмила вцепилась в край стола. Она ждала вальяжных, немногословных бизнесменов. Она ждала стихов. Она ждала, что ее, сорокадвухлетнюю, начнут завоевывать.

Но экран жил своей, отдельной, пугающей жизнью.

Аватарки были одна страшнее другой: черные силуэты, фото чужих иномарок с мыльными разводами на капоте, голые торсы, сжимающие руль, иконки с изображением волков, волчьих капканов и охотничьих ножей.

Всплыло новое сообщение. Окно мигнуло ядовито-желтым.

«Приветик красавица. Скучаиш?» — от пользователя с ником «СЕКС-МАШИНА_99».

Людмила непроизвольно отшатнулась от экрана, словно мужчина мог выпрыгнуть из матрицы прямо на ее липкий от пива кухонный стол. Буквы прыгали, в слове «скучаешь» не хватало мягкого знака, а орфография кричала о трех классах церковно-приходской школы.

Следом загудело новое уведомление. «Ден777 (Воронеж) прислал Вам подарок: "Роза"». Людмила нажала на конверт. Открылось окно, где на виртуальном атласе лежала бурая, траурная роза. Под ней мигала надпись: «Чтобы принять подарок, пополните счет на 50 голосов».

Пятьдесят голосов. Людмила знала, что это деньги. Она каждый месяц платила за интернет через терминал в «Пятерочке», и там всегда висел яркий плакат: «Голоса, ОКи, Золото». Она поняла, что попала не на бал, а в дешевый лохотрон.

Она представила, как завтра пойдет в «Пятерочку», встанет в очередь к терминалу, где пахнет хлоркой и нагретым пластиком, и попросит продавщицу в синем фартуке: «Де-

вушка, мне, пожалуйста, пятьдесят Голосов. Для "СЕКС-МАШИНЫ_99"».

Стыд, холодный и тяжелый, как мокрая простыня, накрыл ее с головой. Она выставила себя на продажу на блошином рынке.

Валерий снова зашевелился в коридоре. Он вышел из ванной, почесывая волосатый живот, и, не глядя на жену, прошел к холодильнику. Открыл дверцу. Зазвенели бутылки.

— Люд, а где… — начал он, но осекся, увидев синий свет и сгорбленную спину.

Он хмыкнул, громко, с присвистом, высморкался в скомканное кухонное полотенце и бросил его обратно на стол.

Этот звук — влажный, утробный, хозяйский — ударил Людмилу как разряд тока. Азарт испарился мгновенно. Остался только животный, первобытный страх. Она резко, так что заболели мышцы шеи, захлопнула крышку ноутбука. Экран погас, оставив на сетчатке глаза выжженный синий прямоугольник.

В кухне стало темно. Слышно было только, как в коридоре Валерий с бульканьем наливает пиво в граненый стакан. Людмила сидела в темноте, в его старой футболке, и ей казалось, что она только что подписала себе смертный приговор, написав в графе «О себе» слово «одиночество».

Людмила читает сообщение от «СЕКС-МАШИНЫ», и ее губы непроизвольно, брезгливо складываются трубочкой, словно она только что попробовала на вкус прокисшее мо-

локо. Она быстро, костяшкой пальца, стирает это сообщение, боясь, что даже пиксели этого текста могут испачкать ее чистый кухонный стол, а затем инстинктивно прижимает ладонь к груди, пытаясь унять бешеный, загнанный стук сердца.

Глава 4. Краснодарский борщ

Апрель за грязным окном плацкартного вагона напоминал мокрую половую тряпку. Снег сошел, обнажив серый, слежавшийся мусор, и теперь низкое кубанское небо плакало мелкой, холодной пылью прямо на стекло. Людмила ехала на боковушке у туалета. За стенкой, не переставая, шумела льющаяся вода, пахло хлоркой и чужими, нестираными носками.

Она ехала на свои. Билеты покупала тайком, сняв последние три тысячи с заначки — жестяной коробки из-под печенья, спрятанной на антресолях за банками с прошлогодним вареньем. Светка сказала: «Езжай. Полковник, своя хата, Краснодар — это же юг, Люд! Там фрукты, там витамины».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.